

Переводы и комментарии

**ИСТИНА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ:
К ПУБЛИКАЦИОННЫМ НЮАНСАМ
ОДНОГО ИЗ ШЕДЕВРОВ ХАННЫ АРЕНДТ**

С.П. Поцелуев

Южный федеральный университет

Аннотация: *Статья посвящена сравнительному анализу англоязычного и немецкоязычного издания известной работы Х. Арендт «Истина и политика». Автор подробно рассматривает сюжеты немецкого издания статьи Арендт, не вошедшие в американское издание. При этом он условно разделяет их на две рубрики. В первой акцентируются концептуально-терминологические нюансы, играющие важную роль во всей смысловой архитектуре текста Х. Арендт. Во второй рубрике обсуждаются контекстуальные моменты, которые, с одной стороны, характеризуют отношение немецко-американского философа к Западу и западной политической науке, а с другой, к властной роли учреждений высшего образования и науки.*

Ключевые слова: *Ханна Арендт, политика, истина разума, истина факта, система организованной лжи, не-факты.*

Опубликованный в 2014 году русский перевод сборника эссе Ханны Арендт [Арендт 2014] стал заметным событием отечественной интеллектуальной жизни. Впрочем, такая публикация стала бы событием в любое время — уже в силу обогащения русскоязычного культурного мира одним из шедевров мировой философской классики. Но этот текст явился, что называется, в нужное время и в нужном месте, на переломном этапе отечественной истории, среди информационно-пропагандистских реалий нового издания холодной войны. В этом смысле книга Х. Арендт не просто интересна; она даёт ответы на злободневные политические вопросы, и она помогает делать выбор, моральный и политический, в непростой исторической ситуации.

Особенно интересен в этом отношении очерк «Истина и политика», который непосредственно затрагивает людей нашего академического ремесла. Наряду с американским оригиналом, с которого был сделан русский перевод, данный текст Арендт публиковался и в немецкоязычной версии, и версия эта в ряде моментов существенно отличается от американского издания¹.

Эту разницу я бы и хотел обсудить в данных заметках.

¹ Здесь и в дальнейшем мы будем ссылаться на след. издание: Arendt H. Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I / ungekürzte Taschenbuchausgabe. München: Piper, 2012. — 440 S.

Сразу же оговорюсь, дабы избежать недоразумений: можно выразить лишь искреннюю благодарность авторам упомянутого переводческого проекта — они сделали большое и доброе дело для отечественной науки. И я совершенно оставляю за скобками соответствие русского перевода статьи Арендт её англоязычному оригиналу, просто исходя из предположения, что между ними нет существенных различий. Моя задача здесь состоит в том, чтобы рассмотреть те моменты немецкой версии статьи философа, которые не вошли в русский перевод американского издания, но которые я считаю полезным знать отечественному читателю.

I.

Итак, начнём по порядку. Немецкий аналог сборника статей Х. Арендт «Between Past and Future. Eight exercises in political thought», куда вошло эссе «Истина и политика», хотя и повторяет название англоязычной версии, в ряде содержательных моментов от неё отличается. Это видно уже в самом названии немецкого издания: «Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I», где цифра «I» сигнализирует читателю, что перед ним только первая часть сборника. Действительно, Урсула Лудц, немецкая издательница творческого наследия Х. Арендт, решила существенно расширить содержание англоязычного сборника 1968 года (который, в свою очередь, был расширенным изданием первой версии книги от 1961 года, содержавшей тогда не восемь, а шесть статей) и разбить его на две части, включив в них статьи Х. Арендт, опубликованные в период 1953–1971 годов.

В первую часть этого издательского проекта вошли статьи Арендт по преимуществу общетеоретического плана, во вторую — работы, обусловленные, скорее, конкретными историческими событиями. Первая часть немецкоязычного сборника вышла в свет в 1994 году, в ней 12 статей, включая большинство тех, что были опубликованы (хотя и в несколько иной редакции) в американском издании 1968 года (с которого, по-видимому, был сделан и русский перевод). Вторая часть была опубликована позже [см.: Arendt 2000], но о ней мы здесь ничего говорить не будем, поскольку нас интересует только одна статья из немецкого сборника 1994 года, а именно, «Истина и политика».

Почему имеет смысл обращаться к немецкой версии этого текста Х. Арендт, имея перед глазами не только англоязычный оригинал 1968 года, но и его русский перевод?

Главная причина состоит в том, что почти для всех статей, вышедших в состав «Between Past and Future»², имеются немецкоязычные версии, написанные *самой* Х. Арендт. Эти версии либо предшествовали американским, либо были написаны параллельно, либо представляют собой переложение англоязычной версии. Но в любом случае речь идёт об аутентичных немецких текстах самого философа. В редакторском послесловии к «Zwischen Vergangenheit und Zukunft» У. Лудц объясняет, почему есть необходимость публиковать в немецком издании именно эти оригиналы статей Х. Арендт, а не делать немецкий перевод уже опубликованных версий из «Between Past and Future». Лудц пишет, что это надо делать с учётом мнения самой Х. Арендт, отмечавшей, что англо- и немецкоязычные версии её работ не вполне совпадают, более того, что размышления и сочинения на одном языке каждый раз оказывали обратное влияние на редакцию текстов на другом языке [Ludz 2012].

Статья Х. Арендт «Истина и политика» [Wahrheit und Politik] завершает сборник «Zwischen Vergangenheit und Zukunft» и представляет собой перепечатку из книги: Arendt H. Wahrheit und Lüge in der Politik: Zwei Essays / 2. Aufl. München — Zürich: Piper, 1987, S. 44–92. Первоначально же данный текст статьи был опубликован в 1969 году: Arendt H. Wahrheit

² Исключение составляет только статья «The Conquest of Space and the Stature of Man». См. в русском переводе: Арендт Х. Покорение космоса и статус человека [Арендт 2014: 390–412].

und Politik // Philosophische Perspektiven: Ein Jahrbuch. 1969. № 1. S. 9–51. Точное время издания здесь важно иметь в виду для понимания политических акцентов, расставленных Х. Арендт в данном тексте. На первый взгляд, между немецкоязычной и англоязычной версиями статьи Арендт промежуток небольшой, всего три года (появившийся в «Between Past and Future» текст «Truth and Politics» был представлен автором для публикации в мае 1966 года). Однако за это время на Западе — помимо прочего — успела свершиться студенческая революция, ставшая одной из важнейших культурно-политических феноменов прошлого века. Это объясняет заметную политизацию немецкоязычной версии статьи Арендт по сравнению с английским вариантом. И этим она, кстати, интересна сегодня отечественному читателю, оказавшемуся тоже в гуще довольно драматических политических событий.

Я не хочу сказать этими заметками, что англоязычным изданием «Истины и политики», как и его русским переводом, следует пренебречь ради немецкоязычной версии. Этого не стоит делать, потому что в американском издании есть ряд важных моментов, которых нет в немецком тексте (к примеру, примечания, иные категориальные конструкции и др.). Но немецкая версия статьи, в целом, больше по содержанию, и её следует обязательно учитывать, особенно тем, кто занимается изучением творчества немецко-американского философа профессионально.

Сюжеты немецкого издания статьи Арендт, не вошедшие в американское издание, я условно разделил на две рубрики. К первой относятся концептуально-терминологические нюансы, которые только на первый взгляд кажутся несущественными и достойными внимания лишь специалистов по истории философии. В случае текстов Х. Арендт использование вполне определённых понятий играет принципиальную роль во всей смысловой архитектуре текста, составляя его отдельное измерение и отражая классическую мыслительную традицию. Вторую рубрику составляют контекстуальные моменты, которые, с одной стороны, характеризуют отношение Х. Арендт к Западу и американской политической науке, а с другой, посвящены политически злободневному тогда сюжету, актуализированному «студенческим бунтом» — властной роли учреждений высшего образования и науки.

II.

Начнём с концептов и терминов. В первой части статьи Х. Арендт есть место, где речь идёт о применимости философского понимания истины к политической сфере: «Желая выяснить, какой вред способна причинить истине политическая власть, мы касаемся этих материй, скорее, из политических, а не философских соображений, а потому можем позволить себе пренебречь вопросом о том, что такое истина, и довольствоваться тем, что люди обыкновенно понимают под этим словом» [Арендт 2014: 340]. В немецкой версии этот пассаж завершается важным тезисом, которого нет в русском переводе англоязычного издания: «Но в политическом смысле — как мы увидим — различие между истинами факта и истинами разума имеет большое значение» [Arendt 2012: 331].

Столь значим для Х. Арендт не только чисто когнитивный, но, прежде всего, исторический смысл упомянутого различия: с переходом к современности главную роль в политической сфере начинают занимать истины не разума (как раньше), но факта. В русском переводе американского издания этот отрывок звучит так: «Если мыслить в русле традиции, может показаться, что из такого положения дел правомерно сделать вывод, что старый конфликт наконец улажен, а главное, его первопричина, столкновение истины разума и мнения, исчезла. Но, как ни странно, это не так, ибо столкновение политики и истины факта, которое мы сегодня наблюдаем в таких серьёзных масштабах, имеет, по крайней мере, в некоторых отношениях весьма схожие черты» [Арендт 2014: 348]. В немецком издании это же место излагается

несколько иначе: «Дело, стало быть, выглядит почти что так, будто старый конфликт окончательно улажен, а с ним исчезла и *вражда между истиной и политикой*. Но, как ни странно, этого как раз не произошло. Столкновение между истиной и политикой продолжается, *только место истины разума [Vernunftwahrheit] в нем заняла теперь истина фактов [Tatsachenwahrheit]*» [Arendt 2012: 335–336]³.

Как видим, здесь Х. Арендт говорит о столкновении *истины и политики*, а не *истины разума и мнения*, а в другом месте — о столкновении *истины разума и истины факта*, а не *политики и истины факта*.

Различие между истинами факта и истинами разума именно потому политически значимо, что оно выводит к одному из центральных тезисов статьи Арендт: истина факта является по своей природе такой же политической, как и мнения, которыми заполнен политический рассудок. Но, формулируя этот тезис в немецком варианте своей статьи, философ делает такое важное добавление: «Другими словами, информация о фактах [Tatsacheninformation] играет в политическом мышлении роль, подобную той, что в философском мышлении играет истина разума: в обоих случаях эта роль вдохновляет мысль и ограничивает [hält in Schranken] спекуляцию» [Arendt 2012: 335–336]. В русском переводе англоязычной версии статьи это место звучит иначе: «Другими словами, истина факта даёт пищу для политической мысли точно так же, как истина разума — для философской спекуляции» [Арендт 2014: 351].

В «Истине и разуме» Х. Арендт как бы реализует политическую проекцию проблемы, классически представленной в философии её учителя М. Хайдеггера — проблемы бытия, «забытого» наукой и философией Нового времени⁴. Отсюда — настойчивый акцент Х. Арендт на драматизме политических следствий утраты бытия в рассмотрении социального мира. Когда систематически (организованно) отрицаются (забываются) всем известные факты, тогда «речь здесь идёт о чем-то большем, чем напряжение (возможно, неизбежное) между двумя образами жизни в рамках общей, всеми признаваемой реальности. Что поставлено на карту, так это сама по себе общая всем реальность в её фактичности,— и это действительно политическая проблема первостепенной важности» [Арендт 2014: 346].

Следует заметить, что в немецком издании статьи Х. Арендт более чётко акцентируется принудительная значимость истины, которую современная постмодернистская традиция объявляет химерой догматической мысли, причём химерой опасной, ответственной за установление тиранических политических режимов. Арендт обращает внимание на то, что истины факта, сами по себе (в отличие от истин разума) не располагающие к спору, в публичном пространстве, тем не менее, могут не только грубо игнорироваться, но и превращаться в мнения. Это ведёт к стиранию границ между мнением и фактом, как бы в духе ницшевских сентенций, ставших сегодня расхожей мудростью: «Факт всегда глуп», «Факты не существуют — есть только интерпретации» и т. п.

Сравним в этой связи два варианта текста. В русском переводе его англоязычной версии это выглядит так: «Все истины — не только различные виды истины разума, но и истина факта — противоположны мнению по способу *утверждения своей значимости*. Истина содержит в себе нечто принудительное, и вполне возможно, что прискорбные тиранические наклонности, нередко бросающиеся в глаза у профессиональных рассказчиков истины, вызва-

³ *Курсив мой* — С.П.

⁴ Правда, сама по себе политизация этой философской проблемы была высказана задолго до Х. Арендт. К примеру, уже в «Истории и классовом сознании» Д. Лукача фиксируется два фундаментальных (и взаимно связанных) дефицита овеществлённой научно-философской мысли: утрата целого и утрата бытия в рассмотрении предметного мира. Обе эти потери принципиально обесмысливают картину социального и политического мира.

ны не столько какими-то личностными недостатками, сколько привычкой испытывать напряжение своего рода невольнической жизни» [Арендт 2014: 348].

А вот перевод немецкоязычной версии того же места из статьи Х. Арендт: «Все истины — будь то истины разума или истины факта — отличаются от мнений и взглядов благодаря своей претензии на истинность, то есть, отличаются способом утверждения своей значимости. Любая истина претендует на *принудительную значимость* [zwingender Gültigkeit], и вполне возможно, что тиранические наклонности, столь бросающиеся в глаза у профессиональных рассказчиков истины, вызваны не столько врождённой несговорчивостью последних, сколько их привычкой постоянно жить под принуждением [Zwang], а именно, под принуждением от познанной либо предположительно познанной истины» [Arendt 2012: 335-336]⁵.

Как видим, в немецком тексте позиция Х. Арендт выражена предельно ясно: любая истина не просто «содержит в себе нечто принудительное», но *принудительность и есть способ утверждения её значимости*. Любопытно при этом, что концепту «дискурса», буквально фетишизированному сегодня постмодернистами, Х. Арендт указывает на место рядом с мнением, а не истиной. Философ как бы напоминает исходные смыслы лат. *discursus*⁶, когда пишет о том, что «именно в вопросах мнения, а не истины наше мышление по-настоящему дискурсивно⁷, оно переносится с места на место, из одной части мира в другую, обегает все виды конфликтующих взглядов, пока наконец не восходит от этих особенных случаев к некоему беспристрастному общему» [Арендт 2014: 357].

В немецкоязычном варианте статьи «Истина и политика» есть термины, которые несут важную концептуальную нагрузку, образуя неотъемлемый философский фон собственно политологической тематики. Учёт этого момента в некоторой степени обнажает философские истоки метода, который Х. Арендт реализует при постановке проблемы истины в политике. Обратим внимание на терминологические нюансы, которые отличают немецкоязычную версию статьи от её англоязычной версии при передаче следующего фрагмента. В русском переводе американского издания читаем: «Политическая мысль основана на представлении. Я формирую мнение по тому или иному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения, ставя перед своим мысленным взором позиции тех, кто не здесь, т. е. я представляю их. Этот процесс представления состоит не в том, что я слепо принимаю взгляды тех, кто стоит на ином и тем самым видит мир с иного ракурса. Речь идёт не об эмпатии, как если бы я пыталась залезть в шкуру другого человека, и не о том, чтобы провести опрос и присоединиться к большинству, а о том, чтобы, сохраняя свою идентичность, мыслить, переносясь туда, где меня на самом деле нет. Чем больше позиций разных людей представлено в моем уме, пока я раздумываю над вопросом, и чем лучше я могу вообразить, что я бы думала и чувствовала на их месте, тем сильнее будет моя способность к представительному мышлению, и тем большей значимостью будет обладать мой конечный вывод, моё мнение» [Арендт 2014: 356].

В переводе важно иметь в виду трудно передаваемое по-русски различие между мысленным представлением (воображением) как психологическим актом и представлением (представительством) как актом символическим. В немецком оригинале это выражается разными терминами, а поэтому понятнее: «Политическое мышление является представительным [repräsentativ] в том смысле, что оно предполагает постоянную со-представленность других [mit präsent sind]. Я формирую мнение по тому или иному вопросу, рассматривая его с

⁵ Курсив в немецком издании. — С.П.

⁶ См. старшие значения лат. *discursus* — бестолковая беготня, суета, мелькание, военные маневры.

⁷ В немецкой версии это выражено ещё чётче: «Размышление, ведущее к образованию мнения, в отличие от мышления, нацеленного на истину, является по-настоящему дискурсивным» [Arendt 2012: 343; Курсив мой — С.П.].

разных точек зрения, мысленно представляя [vergegenwärtige] себе позиции тех, кто не здесь, т. е. я представляю [repräsentiere] их. Этот процесс мысленного представления [Vergegenwärtigungsprozess] состоит не в том, что я слепо принимаю определённые, известные мне взгляды других людей. Речь идёт здесь не о вчувствовании [Einführung] и не о том, чтобы с помощью силы представления [Vorstellungskraft] установить какое-то большинство и примкнуть к нему. Скорее, дело заключается в том, чтобы с помощью воображения, но без потери собственной идентичности, занять такую позицию в мире, которая не является моей позицией, но исходя из которой, я формирую моё собственное мнение. Чем больше таких позиций могу я учитывать в моих размышлениях, и чем лучше могу я представить себе, что бы я думала и чувствовала, будь я на месте тех, кто стоит на этих позициях, тем лучше образована моя способность понимания [Vermögen der Einsicht] — то, что греки называли φρόνησις, латиняне prudentia, а немецкий язык XVIII столетия Gemeinsinn — и тем более квалифицированным, в конце концов, оказывается результат моих размышлений, моё мнение» [Arendt 2012: 335–342].

Мы видим, что здесь у Х. Арндт присутствует семантическая игра немецких терминов [präsent — repräsentativ — repräsentiere], которой, как известно, отличаются тексты её учителя М. Хайдеггера. Очевидно, Арндт придаёт политическому термину «представительности» [re-präsent-] более глубокий, философский смысл, только не в духе гносеологизма Нового времени, а скорее в традициях социальной онтологии Платона и Аристотеля. Чувствуется здесь и влияние американской школы символического интеракционизма. Арндт почти цитирует известный принцип Дж.Г. Мида о взаимном принятии на себя ролей другого, противопоставляя акт символического представительства психологизму простого «вчувствования». В результате представительство как политическая процедура получает более глубокий смысл, отражающий общую специфику человеческой коммуникации.

В этой связи крайне важен упоминаемый только в немецкоязычной версии статьи категориальный ряд φρόνησις — prudentia — Gemeinsinn. По Арндт, даже в случае размышлений о философских предметах, условием достижения которых является отход от «мира сотрудничества» [Welt des Miteinander], всё равно остаётся зависимость от реального взаимодействия с другими (то есть, от Gemeinsinn), что позволяет человеку стать в своих мыслях на место других. Более того: незаинтересованность (свобода от вовлеченности в групповые и частные интересы) в данном случае выступает единственным условием вступления в силу этого взаимодействия с другими. Х. Арндт противопоставляет старонемецкому термину Gemeinsinn современное слово Eigensinn (упрямство, своенравие). Человек поступает своеправно [eigensinnig], когда он не использует способность понимания, предоставляемую Gemeinsinn. Другими словами, когда он не принимает в расчёт интересы и позиции других людей (групп), преследуя только свои интересы [Arendt 2012: 343].

Примечательно, что интеракционистский принцип Gemeinsinn логично дополняется в статье Х. Арндт принципом диалогичности мышления. Ведь Gemeinsinn подразумевает практический смысл, который делается сообща — подобно тому, как сообща создаётся структура диалога. Со ссылкой на Платона Х. Арндт характеризует мышление как «молчаливый диалог между мной и мной самим» [Arendt 2014: 362] и выводит отсюда моральные потенции мыслителя, утверждая, опять-таки, классический принцип единства истинного, нравственного и политического.

Ещё один случай, связанный с семантической игрой используемых Х. Арндт немецких терминов, относится к сюжету о Гомере, с которым философ связывала начало европейского принципа объективного (беспристрастного) рассмотрения истории. В американском издании читаем: «Такого прежде не случалось нигде; ни одной, сколь угодно блистательной цивилизации не удавалось взглянуть одним и тем же взором на друга и врага, на успех и пораже-

ние, — которые со времён Гомера не признаются решающими мерилami для того, чтобы судить о людях, хотя и имеют решающее значение для людских судеб. Гомеровская беспристрастность эхом звучит через всю греческую историю» [Арендт 2014: 388]. В немецкоязычной версии этот же фрагмент выглядит так: «Такую „объективность“ [Objektivität] тщетно искать в других культурах древности; нигде в другом месте вы не найдёте способности, хотя бы в суждении [Urteil], воздать врагу справедливость [Gerechtigkeit], и нигде не объявляется, что всемирная история *не* является страшным судом [Weltgericht], что победа или поражение не могут служить последним словом для суждения [Urteil], хотя таковыми они и оказываются для судеб человеческих. Эта гомеровская „объективность“ красной нитью проходит через всю греческую историю» [Arendt 2012]⁸.

В этом отрывке очень важна игра терминов Objektivität, Urteil, Gerechtigkeit, (Welt-)Gericht. Важна, потому что она показывает, что объективность как синоним незаинтересованного поиска истины имеет прямое отношение к идее справедливости [Gerechtigkeit]. А эта идея производна от концепции суда над миром [Weltgericht], то есть, относится к понятию мировой справедливости. Поэтому объективное суждение [Urteil] есть в то же время *справедливое осуждение*, приговор суда [(Gerichts-)Urteil], а не результат судилища, устроенного на основе чьих-то частных интересов.

Политически более радикально выражает Х. Арендт в немецком варианте своей статьи тезис о нечаянной, но очень существенной роли истины факта в системе организованной лжи. В русском переводе английского источника читаем: «Там, где все лгут по всем важным вопросам, рассказчик истины (знает он о том или нет) начинает совершать поступки; он тоже вовлекает себя в занятия политикой, ведь в том маловероятном случае, если он выживет, он даст начало изменению мира» [Арендт 2014: 371]. В немецкоязычном издании это место передаётся так: «Там, где лгут принципиально, а не только время от времени, там человек, просто высказывающий то, что есть, уже начинает действовать политически, даже если он вообще не имел такого намерения. *В мире, где с фактами обращаются как угодно, уже простая констатация факта есть угроза власти имущим*» [Arendt 2012]⁹. Заключительная крылатая фраза немецкоязычного пассажа звучит более решительно, чем в американском издании, и она прекрасно дополняет сформулированный философом чуть ранее по тексту тезис: «Размывание границы, отделяющей истину факта от мнения, — одна из многих форм, какие может принять ложь» [Arendt 2012: 369].

Заметим попутно, что в немецкоязычной версии «Истины и политики» гораздо чаще, чем в англоязычном издании, используется выражение «организованная ложь». Х. Арендт предпочитает здесь говорить именно о *лжи*, а не *манипуляции*, а также именно об *организованной* (а не просто *массовой*) лжи. Приведём несколько примеров такого рода:

- «Пришло время поговорить об относительно новом феномене массовой манипуляции (в немецкоязычной версии: «*организованное* манипулирование» [Arendt 2012: 355]) фактами и мнениями ...» [Arendt 2012: 372].

- «Политическая ложь современного толка (в немецкоязычной версии: «В случае *организованной* политической лжи, с которой мы сталкиваемся в наши дни.» [Arendt 2012: 355]), напротив, успешно работает и с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому» [Arendt 2012: 372].

- «Оба этих смягчающих обстоятельства лжи по старому образцу примечательным образом отсутствуют в случае манипуляции фактами, (в немецкоязычной версии: «*организованной*, массовой лжи» [Arendt 2012: 356]) с которой мы сталкиваемся сегодня» [Arendt 2012: 374].

⁸ Кавычки и курсив в немецком издании. — С.П.

⁹ Курсив мой. — С.П.

- «Таким безоговорочным и потенциально необратимым ущербом, неведомым в прежние времена, грозит современная манипуляция (в немецкоязычной версии: «*организованная манипуляция*» [Arendt 2012: 359]) с фактами» [Arendt 2012: 376-377].

Несколько более чётко выражена в немецком издании и глубокая мысль Х. Арендт о недостаточной обоснованности как признаке реальных фактов в противоположность их тотальной логичности в рамках последовательной, организованной лжи: «А вернейший признак фактичности факта [Faktizität eines Faktums] — это как раз его упрямое присутствие [Da- [Sein]], которое, в конечном счёте, характеризует необъяснимым и непроверяемым образом всю человеческую действительность. Пропагандистским фикциям, напротив, свойственно то, что в них все отдельные сведения ясно упорядочены, а каждый факт полностью объяснён. Это придаёт им временное преимущество; зато им недостаёт неизменной стабильности всего того, что есть, потому что оно просто такое и никакое другое» [Arendt 2012: 376–377].

В немецкой версии статьи Х. Арендт есть ряд понятий, которые крайне важно иметь в виду, потому что они образуют теоретические мостики к темам, которые сегодня особенно актуальны в политической науке. Отметим в этой связи следующее место в англоязычной версии статьи Х. Арендт: «История нашего времени полна примеров, когда рассказчики истины факта воспринимались как большая опасность и даже более враждебная сила, чем действительные оппоненты» [Arendt 2014: 378]. Теперь немецкоязычный вариант: «История нашего времени полна примеров, когда простой репортаж с места событий воспринимался как нечто более опасное и агрессивное, чем вражеская пропаганда. *Другими словами, столь важная в политике способность различать между врагом и другом теперь уже не действует*» [Arendt 2012: 360]¹⁰.

Как видим, в немецком варианте статьи появляется важное резюмирующее заключение — по сути, зародыш целого направления исследований. То же самое можно сказать о концепте *цинизма*, который в англоязычном фрагменте отсутствует: «Нередко отмечали, что в отдалённой перспективе промывка мозгов вернее всего приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она ни была установлена» [Arendt 2014: 380]. Зато мы находим упомянутый концепт в немецкоязычном варианте того же фрагмента: «Нередко отмечали, что наиболее вероятным результатом так называемой промывки мозгов оказывается не изменённая система взглядов, а *цинизм*, отказывающийся воспринимать что бы то ни было в качестве истины» [Arendt 2012: 361].

Упомяну ещё несколько мест в немецкой редакции статьи Х. Арендт, касающихся цитирования, которого нет в англоязычном тексте, но которое немаловажно для понимания общей концепции автора. Так, в немецком издании добавляется цитата из К. Ясперса, а именно, после следующего замечательного пассажа, который в русском переводе звучит так: «Только самообман способен создать видимость правдивости, а в споре о фактах единственное, что порой имеет шанс оказаться убедительнее удовольствия, страха и выгоды, — это личный внешний облик» [Arendt 2014: 376]. Далее в немецкой версии текста следует: «При обсуждении различия между ложью [Lüge] и лживостью [Verlogenheit] редко кто доходит до пронизательного замечания К. Ясперса: „По-настоящему лгать могут только совершенно правдивые [Wahrhaftigen]“» [Arendt 2012: 358].

Ещё одно место касается цитаты из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского. В англоязычной версии это место выглядит так: «Старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: „Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?“, и старец отвечает: „Главное, самому себе не лгите“. Достоевский никак не объясняет и не развивает этот отрывок» [Arendt 2014: 376]. В немецком издании цитата из Достоевского расширяется, а в ней

¹⁰ Курсив мой — С.П.

уже отчасти содержится развитие мысли старца: «... старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: „Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?“, и старец отвечает: „Главное, самому себе не лгите. Лгуший самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает“. И это, в самом деле, является самым главным» [Arendt 2012: 358].

Немецкий вариант текста, в целом, более политизирован, чем англоязычный, в нем чувствуется «злоба дня», заставляющая философа превращаться в политика. Характерным является в этом плане фраза, которую Х. Арендт добавляет к заключительному фрагменту одного из абзацев своей статьи. В русском переводе этот англоязычный абзац звучит так: «Когда философская истина вступает на рыночную площадь, она меняет свою природу и становится мнением, поскольку происходит подлинный *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*, переход не просто от одного типа рассуждения к другому, но от одного способа человеческого существования к другому» [Арендт 2014: 351]. В немецкой версии данный фрагмент завершается более радикальной сентенцией: «Философ, который хочет вмешиваться в общественную жизнь, — это уже не философ, а политик; он больше не желает одной только истины — он хочет власти» [Arendt 2012: 338].

III.

Содержательно-тематические особенности немецкоязычной версии статьи Х. Арендт объясняются, прежде всего, отражением в ней актуального культурно-политического контекста. В американском издании статьи этот контекст, конечно, тоже присутствует, но в несколько усечённом виде. К примеру, здесь заметно приглушены элементы критицизма Х. Арендт в отношении западной, прежде всего, американской культуры (а этот критицизм в ряде моментов заставляет вспомнить пафос авторов «Диалектики Просвещения»).

Возможно, эта сдержанность объясняется политкорректностью, своего рода политической вежливостью Х. Арендт: двусмысленно критиковать реалии той страны, которая спасла тебя от нацизма, предоставив убежище и возможность заниматься любимым делом. (Кстати, соответствующие упрёки в адрес тех же авторов «Диалектики Просвещения» можно услышать в США и сегодня). Хотя, с другой стороны, для личности такого масштаба, как Х. Арендт, известное выражение «Платон мне друг, но истина дороже» было не абстракцией, а жизненным принципом. Во всяком случае, ей хватило личного мужества, чтобы из-за «неудобных» истин «Банальности зла» стерпеть оскорбительное в свой адрес «Nazi-Hure!» и многолетний бойкот своих многочисленных коллег в Израиле и США¹¹.

Но давайте для начала сравним два фрагмента. В русском переводе английской версии текста читаем: «Любопытно, что их (*широко известных, но табуизированных публикой фактов* — С.П.) констатация влечёт те же опасности, какие в прежние времена влёл, например, атеизм и прочие ереси, и этот феномен выглядит тем значительнее, что мы встречаем его ещё и в странах, управляемых тиранически и идеологически. (Даже в гитлеровской Германии и сталинской России говорить об экстерминационных и концентрационных лагерях, существование которых не скрывалось, было опаснее, чем исповедовать „еретические“ взгляды на антисемитизм, расизм или коммунизм.) Ещё большую тревогу вызывает то, что в свободных странах, если и терпят неудобные истины факта, то зачастую, сознательно или нет, превращают их в мнения» [Арендт 2014: 348–349].

¹¹ Эти сюжеты хорошо представлены в снятом недавно художественном фильме о жизни выдающегося немецко-американского философа [См.: Lochte 2014].

Немецкоязычный вариант этого места в статье Х. Арендт звучит так: «И вправду кажется странным, что их (*широко известных, но табуизированных публикой фактов* — С.П.) оглашение может оказаться не менее опасным, чем в прежние времена — обнаружение каких-то ересей. Причём этот удивительный феномен не ограничивается — как естественно было бы предположить — так называемым свободным миром [sogenannte freie Welt]; как известно, в гитлеровской Германии и сталинской России было намного опаснее говорить о концентрационных лагерях и лагерях уничтожения (хотя их существование не было тайной), чем исповедовать и высказывать „еретические“ взгляды на соответствующие идеологии — антисемитизм, расизм, коммунизм» [Arendt 2012: 336].

Как видим, в немецком тексте публичная табуизация широко известных фактов однозначно подразумевается как типичный феномен, прежде всего, западных демократий, а в русском переводе, напротив, можно понять так, что она лучше всего раскрывается, прежде всего, в тоталитарных режимах. Другими словами, акценты расставлены здесь противоположным образом. Употребление пейоративного выражения «так называемый свободный мир» показывает, что смысловая инверсия в немецком тексте (по сравнению с англоязычным) отнюдь не случайна.

В американском издании «Истины и политики» явно заретуширован критицизм Х. Арендт в отношении Запада, который фактически ставится ею на одну доску с тоталитарным коммунистическим Востоком, коль скоро речь заходит о системе организованной лжи. Зато этот критицизм присутствует в немецкоязычной версии статьи. Приведу несколько примеров. В русском переводе английского фрагмента читаем: «Пришло время поговорить об относительно новом феномене массовой манипуляции фактами и мнениями, которая проявляется в переписывании истории, в создании имиджей и фикций и в реальной государственной политике» [Арендт 2014: 372]. Это же место в немецкоязычном издании: «Организованное манипулирование фактами и мнениями есть относительно новый феномен, который *на Востоке* ярко представлен постоянным переписыванием истории, *а на Западе* — пропагандистским искусством имиджмейкинга и соответствующим поведением государственных деятелей» [Arendt 2012: 355]¹².

И чуть далее по тексту схожая картина. В англоязычном варианте: «Политическая ложь современного толка, напротив, успешно работает и с тем, что вообще не представляет тайны и известно практически каждому. Яркий пример — переписывание истории на глазах у тех, кто был её свидетелем, но не менее показательны и всевозможные виды имиджмейкинга, когда, опять же, любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу» [Арендт 2014: 372–373]. Теперь сравним с немецкоязычной редакцией того же фрагмента: «Обо всем этом не может быть речи в случае организованной политической лжи, с которой мы сталкиваемся в наши дни. Эта ложь касается не тайн, а общеизвестных фактов. Современная историография *в советской России* может безнаказанно и весьма эффективно отрицать факты, о реальности которых каждый ещё может вспомнить; и то же самое относится к столь излюбленному *на Западе* «имиджмейкингу», в котором безнаказанно игнорируется всё, что может навредить желанному «имиджу» события, нации или лица» [Arendt 2012: 355]¹³.

В немецкоязычном варианте статьи Х. Арендт усиливает сюжет об «откровенных нефактах», которые использовали в публичной политике даже такие уважаемые деятели, как де Голль и Аденауэр [Арендт 2014: 373], следующим пассажем: «Так называемый *credibility gap*, что значит, расхождение между словами и поступками бывшего президента США Линдона Джонсона является фактом общеизвестным и в свое время сильно взбудоражившим умы в

¹² *Курсив мой* — С.П.

¹³ *Курсив мой*. — С.П.

Америке, где, как в никакой другой стране, правдивости придают особое значение. Но даже здесь эта сторона эры Джонсона играла едва заметную роль в оппозиции против правительственной политики. Хотя весь мир знал, что студенческие волнения во Франции и вызванная ими всеобщая забастовка натолкнулись на ожесточённое сопротивление со стороны французской компартии и профсоюзов, де Голь, тем не менее, мог позволить себе утверждать, что это коммунисты хотят захватить власть во Франции. И происходило это в тот момент, когда из-за всеобщей забастовки в распоряжении де Голля не было такого всемогущего коммуникативного и манипулятивного средства, как радио и телевидение. Но эта ложь ему удалась, потому что армия, по-видимому, заставила его придерживаться правого курса. Однако главное здесь заключается в том, что в последние десятилетия все настолько привыкли к такой политике, что она уже почти никого не смущает» [Arendt 2012: 355–356].

Усиливается в немецкоязычном издании и сюжет о том, что на Западе «гигантские организации лиц с общими интересами ввели в обиход своего рода мышление в стиле *raison d'état*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел и, в своих худших проявлениях, в ситуациях прямой и несомненной угрозы» [Арендт 2014: 377]. Далее в англоязычной версии следует по тексту: «Национальная пропаганда, разворачивающаяся на государственном уровне, не просто переняла несколько уловок из деловой практики и из арсенала Мэдисон-авеню. В отличие от лжи, предназначенной для иностранного неприятеля, имиджи и фикции, создаваемые для внутреннего употребления, могут стать действительностью для каждого, и прежде всего для самих их создателей» [Арендт 2014: 377].

В несколько расширенной немецкой редакции это место выглядит так: «Вдобавок к этому, техники торговой рекламы глубоко проникли во внутривнутриполитические пропагандистские методы государств, где мнения, убеждения и определённые практики продаются народам точно так же, как мыльный порошок и духи. В отличие от внешнеполитической лжи, которая всегда обращается на внешнего врага и необязательно используется как определяющий фактор внутривнутриполитической жизни нации, имиджи, создаваемые для внутреннего употребления, представляют собой большую опасность для действительной жизни народа, и первыми жертвами этого современного способа лжи оказываются, естественно, производители данных фикций. Потрясает сам образ бесчисленного множества тех, кто уже завтра будут готовы купить у них этот продукт. Разве может не соответствовать реальности то, в чем убеждены столько много людей?» [Arendt 2012: 359].

В англоязычном издании статьи Х. Арендт заметно ослаблен не только критицизм в адрес Запада в целом, но и конкретно в отношении своих коллег по научному цеху. Так, в заключительной части статьи есть пассаж, в котором философ подчёркивает, что реализованный ею взгляд на политику является для самой политики внешним. В английской версии это место звучит так: «Короче, [я] рассматривала политику так, как будто и сама верю, что всеми публичными делами управляют власть и интерес, что не было бы никакой политической сферы, если бы не жизненная необходимость. Причина такого искажения в том, что истина факта сталкивается с политическим только на этом низшем уровне человеческих дел, так же как философская истина Платона столкнулась с политическим на существенно более высоком уровне мнения и соглашения» [Арендт 2014: 389].

В немецкоязычном тексте «Истины и политики» данный фрагмент заменён более пространственным и существенно иным по содержанию текстом: «Короче, [я] рассматривала политику так, словно её можно определить как игру, в которой решается, «Who gets what, when, how?»¹⁴. Это роковое сведение политического к простому администрированию [Verwaltung]

¹⁴ В этом месте немецкий издатель помещает следующее редакционное примечание: «Так звучит подзаголовок одной из наиболее известных в американской политической науке книг Гарольда Д. Лассуэлла (Lasswell H.D. Who gets what, when, how?), изданной в 1936 году. Выдержавшая множество изданий, эта книга

является более древним, чем обычно полагают; в замечании Ницше, сделанном мимоходом, что для занятия политикой «достаточно посредственных умов», упомянутая редукция выражается столь же ясно, как и в надежде Маркса на «отмирание» государства. В позитивизме, покорившем сегодня большую часть политической науки, это первоначально открытое презрение к публичному и политическому опошлилось, утратив свой философский базис. Но в природе вещей заложено то, что подобное воззрение начинает заявлять о себе, коль скоро предпринимается попытка приблизиться к политической сфере с позиции истины. Прежде всего, оно проявляется, когда проблематика истины факта становится в центр рассмотрения и приходит в конфликт с политическим как раз на этом, низшем уровне человеческих дел» [Arendt 2012: 355–369].

Совершенно новый и наиболее политизированный фрагмент немецкого издания «Истины и разума» размещён в заключительной части статьи, и касается он современного университетского (в особенности, гуманитарного образования). Причём в абзаце, предваряющем этот новый фрагмент, философ делает одно немаловажное уточнение. В англоязычной версии эта часть, сама по себе очень важная для развиваемой Х. Арендт концепции, в русском переводе звучит так: «И едва ли можно отрицать, что по крайней мере в конституционно управляемых странах осознали, что в интересах политического пространства существование людей и учреждений, над которыми у него нет власти» [Arendt 2014: 385]. Из этого пассажа, однако, не совсем ясно, кто именно и почему в «конституционно управляемых странах» осознал необходимость существования — в интересах политического пространства — таких людей и учреждений, над которыми у этого пространства нет власти. Неясно также, что следует понимать под этим «политическим пространством», и над кем оно властвует? Очевидно, что эти обтекаемые и двусмысленные формулировки затрудняют понимание на самом деле простой и глубокой мысли, которая, к счастью, в немецком издании выражена яснее: «И едва ли можно отрицать, что, по крайней мере, в конституционно управляемых странах правящие круги [die Herrschenden] осознали, что это в их прямых интересах — существование людей и учреждений, над которыми у них нет власти» [Arendt 2012: 365]. Причём чуть ранее по тексту под этими неподвластными учреждениями подразумевается не только правосудие и надпартийные политические институты; сверх того, подчёркивается, что «свобода учёбы и преподавания должна точно так же признаваться и защищаться государством, как и беспристрастная юстиция» [Arendt 2012: 365].

Сразу после упомянутого пассажа в немецкоязычной версии «Истины и политики» следует новый фрагмент о политической роли университетов, которого нет в американском издании статьи. Появление этого фрагмента объясняется тогдашней «злостью дня»: студенческим бунтом конца 60-х, поставившим вопрос о реальной свободе и автономии университетского образования.

Сам по себе сюжет о политической роли гуманитарного образования присутствует и в американском издании статьи Х. Арендт, но в более абстрактном и редуцированном виде. Философ говорит здесь не столько о политической роли современных университетов, сколько об «Академии» как собирательном имени для институтов европейского образования, т. е. сама постановка вопроса имеет скорее философский, чем политический смысл: «Сегодня это подлинно политическое значение Академии легко упускают из виду, поскольку на первый план вышли её узкопрофессиональные училища, а развитие её естественнонаучных подразделений неожиданно принесло обильнейшие плоды, оказавшиеся жизненно важными для страны в целом. Общественную и технологическую пользу университетов невозможно отрицать, но она не имеет отношения к политике. В политическом отношении важнее историче-

так и не появилась в немецком переводе» [См.: Arendt 2012: 433].

ские науки и гуманитарные дисциплины, призванные находить, охранять и толковать истину факта и оставленные людьми документальные источники. Рассказывать истину факта означает далеко не только предоставлять ежедневные новости, как это делают журналисты (хотя без них мы никогда не смогли бы сориентироваться в постоянно меняющемся мире и в самом буквальном смысле никогда бы не узнали, где мы находимся). Разумеется, их работа имеет самое непосредственное политическое значение; но чтобы пресса действительно однажды стала «четвёртой ветвью власти», её надо защищать от государственной власти ещё тщательнее, чем от неё защищают суд. Ибо, строго говоря, эта функция предоставления информации осуществляется извне политического пространства; она не включает и не должна включать никакого действия или принятия решений» [Арендт 2014: 385–386].

Вместо этого фрагмента в немецком издании идёт следующий текст: «Конечно, в последние годы, когда университеты были охвачены сильнейшими потрясениями, это может звучать не очень убедительно. Однако настоящие опасности, уже с конца второй мировой войны угрожавшие вузам и НИИ, хотя и ставшие достоянием общественности только благодаря бунту студентов, — эти опасности родом не из политической сферы. Конечно, в финансовом плане университеты сегодня как никогда зависят от правительства, причём настолько зависят, что уже не имеет значения, являются ли они государственными или частными учреждениями. Однако правительства не могут позволить себе, ни при каких обстоятельствах, блокировать огромные средства из госбюджета, которые повсюду инвестируются сегодня в научные исследования; ибо правительства, как и руководимые ими общества развитых индустриальных стран, во всех отношениях ещё больше зависят от университетов, чем те — от правительств. Потенциальная власть университетов фактически ещё никогда не была столь большой, как сегодня, что, впрочем, не значит, что университеты сознают эту свою власть, — как не гарантирует это и того, что университеты сумеют в будущем сохранить свою автономию вопреки своей растущей финансовой зависимости. Это лишь значит, что немалая часть проблем, о которых идёт речь в нынешнем студенческом движении, — а именно, та часть, которая касается научных исследований в рамках военных заказов, — вполне поддаются решению. Но это, к сожалению, не подходит в случае несравненно более опасного факта, который американский физик Иероним Леттвин выразил следующим образом: «There's no damn thing you can do that can't be turned into war»¹⁵. Ведь это не имеет ничего общего с политизацией университетов; последнюю можно упразднить политическими же средствами, но нельзя отменить политизацию исследования и науки, лежащую в природе самих вещей. Что бы ни делали естествоиспытатели, они на деле вмешиваются в политические судьбы мира, даже если сами они — совершенно аполитичные люди.

Если мы оставим в стороне новейшие тенденции развития в естественных науках и технике (а рассмотрение их взорвало бы рамки данной статьи), тогда получается, что философские факультеты с их историко-научными и языковедческими отделениями, в обязанности которых входит сохранение, передача и интерпретация свидетельств прошлого, имеют несравненно большее политическое значение, чем естественнонаучные факультеты. Даже простое сохранение и выражение фактического положения дел включает в себя значительно больше информации, чем сводки новостей из прессы, хотя без последних мы никогда бы не смогли ориентироваться в постоянно меняющемся мире. (Но и эта чрезвычайно важная политическая функция связи лежит, строго говоря, вне политической сферы; чистая передача сообщений не включает в себя никаких действий и решений. Политически ангажированные газеты, которые поставляют своим читателям идеологически препарированную информацию, не выполняют тем самым свою собственно политическую функцию)» [Арендт 2012: 366–367].

¹⁵ «Нет ни одного проклятого богом дела, за которое можно взяться, и которое бы не обернулось военным предприятием». Ссылка в нем. издании: *New York Times Magazine*, May, 18, 1969. — С.П.

Как видим, в немецкоязычном издании Х. Арендт существенно политизирует тему политической роли Академии, предпочитая говорить о современных ей университетах и НИИ. Заметно политизируется здесь и роль естественнонаучного знания. Если в англоязычном фрагменте утверждается, что общественная и технологическая польза университетов не имеет отношения к политике, то теперь говорится, что естествоиспытатели, даже если они аполитичны, всегда вмешиваются в политические судьбы мира. В целом, политическая роль университетов рассматривается в немецком издании «Истины и политики» более дифференцированно, включая вопросы госфинансирования, военных заказов и пр.

В наши дни этот сюжет из статьи Х. Арендт 1969 года становится опять чрезвычайно актуальным. Налицо общая тенденция бюрократизации высшего образования и университетской науки. Тенденция эта — глобальная, но у нас в России она, как никогда, бросается в глаза. За последние годы в стране возникла злокачественная культура тотальной регламентации учебного процесса, доходящая до параноидного бюрократического террора в отношении творческой работы преподавателя и полного издевательства над здравым смыслом. Все это, возможно, однажды приведёт к тому, что известная сентенция полувековой давности — «We don't need no education, We don't need no thought control» — встанет опять в политическую повестку дня.

* * *

Философско-политическая концепция, развёрнутая в «Истине и политике», вряд ли найдёт сегодня массу сочувствующих в России. Для многих наших «стандартных» политологов Ханна Арендт — это лишь один из авторитетов в области исследования тоталитаризма, тогда как грандиозный масштаб её политической философии остаётся недооцененным. А для многих «стандартных» философов она есть скорее интеллектуальный «антиквариат», чем перспективный мыслитель. Для основной массы отечественных гуманитариев, по-настоящему только «заболевших Фуко», позиция Х. Арендт кажется подозрительной уже в силу её (не-)классической ориентации, или — как склонны выражаться некоторые наши коллеги — «эссенциализма».

Между тем немецко-американский философ отстаивает отнюдь не догматизм, а бытийную осмысленность принципа истины, прежде всего, в столь богатой ложью сфере, как политика и «примкнувшая к ней» политология. И сегодня это актуально, как никогда. Фундаментальная философско-демагогическая подмена, которую предпринимает постмодернистская мысль, заключается в сознательном смешении — под лозунгом интеллектуальной свободы — политической тирании и принудительной значимости («тирании») любой истины. Результат этой подмены оказывается столь же парадоксальным, сколь и безнравственным: интеллектуальное разоружение перед реальными врагами свободы (как в теории, так и на практике).

Этически достойная позиция гуманитарного учёного (аполитичного или политически активного — неважно) в первую очередь зависит от его отношения к принципу истины, а не к «значимым» социальным или политическим институтам, организациям, лицам, событиям. Пресловутая «близость практике» («коммунистического строительства» в недавнем прошлом, а сегодня — «обеспечения госбезопасности») как неотъемлемое требование государства к социальным и гуманитарным дисциплинам имеет мало общего с их настоящим политическим потенциалом. Во всяком случае, политическая наука будет только тогда самостоятельной социальной величиной, когда она будет в «экзистенциальном модусе пребывания наедине» [Arendt 2012: 366–367] сохранять дистанцию к партийно-групповым интересам, выставляя в публичное пространство упрямые и неудобные истины политического разума и политических фактов.

Правда, на этом пути политическую науку (как зарубежную, так и отечественную) ждёт немало несчастий, поэтому трудно представить себе этот путь массовым. Политолог, в отличие от платоновского философа, не имеет под собой касты кормильцев, он должен сам зарабатывать себе на жизнь. В этом смысле любой учёный, задействованный в рамках какого-то частного проекта или государственной программы — это нормально и неизбежно. Разумеется, это участие всегда имеет политический смысл, даже если вопрос о «неудобных истинах» здесь отпадает, а сам политолог считает, что с его стороны имеет место лишь *business as usual*. В свое время Х. Арендт была уверена, что, по крайней мере, в «конституционно управляемых странах» беспристрастных учёных будут финансировать правящие элиты, сознающие, что это — в их прямых интересах. Насколько такая уверенность философа покрывается сегодня упрямыми фактами, — это вопрос открытый, требующий специального изучения. Во всяком случае, есть подозрение, что и в «развитых демократиях» после завершения холодной войны произошло временное сокращение расходов на гуманитарные исследования и гуманитарное образование (ибо идеологический враг был повержен).

Впрочем, и наивным мнение Х. Арендт тоже не назовёшь — оно основывается на культурных особенностях работающей демократии как цивилизованного политического рынка. А рынок этот сам по себе не исключает беспристрастного мнения, более того, создаёт для него известный спрос, свою нишу. (Даже если согласиться тем, что государственные институты и здесь скорее финансируют пропаганду, чем невыгодные для себя «истины факта и разума»). В этой связи вспоминается история из личного опыта. Пару лет назад в разговоре с берлинским политологом Оскаром Нидермайером, известным в Германии специалистом по партийным системам, я поинтересовался, не сталкивался ли он в своей профессиональной работе с предложениями купить его «экспертную» оценку, слегка подправленную в пользу какой-то партии? Последовал недоуменный встречный вопрос: «А какой в этом смысл? На меня спрос именно как на независимого эксперта Оскара Нидермайера. Моё независимое мнение и есть моя торговая марка».

В странах же, где политический рынок есть категория чуждая или скорее символическая, шансы на поддержку неудобных истин в публичном пространстве оказываются совсем ничтожными. Использовать такие факты в партийной борьбе «по правилам» здесь некому, а госуправленцы смеются над идеей финансовой поддержки неподвластных им учреждений, наверное, ещё громче, чем когда-то сиракузские правители — над «истинами разума» одного афинского философа.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли* / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара. — 416 с.

Arendt H. 2000. *In der Gegenwart. Übungen im politischen Denken II* / U. Ludz (Hrsg.).— München: Piper.

Arendt H. 2012. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I* / ungekürzte Taschenbuchausgabe. — München: Piper.

Lochte T. 2014. Film im Bosco: Hannah Arendt. — *Kulturwelle*. — 05. — 29.04.2014. — Доступно: <http://kulturwelle5.de/artikel/201403/filmkritik-hannah-arendt>. — Проверено: 23.08.2015.

Ludz U. 2012. Nachwort der Herausgeberin. — Arendt H. *Zwischen Vergangenheit und Zukunft. Übungen im politischen Denken I*. — München: Piper.